

3. Muhammad ibn Sulejman at-Tamimi (al'-Vahhab). Kitab at-Tauhid. Kniga edinobozhija. M.: Badr, 2000. 254 s.
4. *Muhammad, F. R.* Islamskaja kul'tura. M.: Andalus, 2005. 238 s.
5. *Salimov M. Sh.* Tendencii razvitija musul'manskoj obshchiny Mordovii v 90-h gg. XX veka. Istoriko-kul'turnye aspekty polijetnichnyh regionov Rossii: sb. statej: Saransk, 2006. 322–325 s.
6. *Silant'ev, R. A.* Novejshaja istorija islamskogo soobshchestva Rossii. M.: Ihtios, 2006. 632 s.

Л. Б. Степанова

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ЛАНДШАФТ МУЗЕЙНОГО СОБИРАТЕЛЬСТВА: НА ПОГРАНИЧЬЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ И КРАЕВЕДЕНИЯ (КОНЕЦ XIX — ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XX в.)

Автор рассматривает историю становления музейной деятельности в Якутии как часть общероссийского научно-просветительского движения, трансформированного в социальное явление как «музейный бум», способствовавший развитию русской этнографической школы. Характерно, что этот феномен охватил, в первую очередь, провинциальные центры, так развитие мультидисциплинарных краеведческих исследований на периферии значительно расширили интеллектуальный ландшафт музейного дела, что, в свою очередь, привело к новому концептуальному осмыслению понятия «музейное собирательство». Процесс собирательства якутских этнографических коллекций переосмысливается как форма интеллектуальной деятельности группы людей в культурно-историческом пространстве.

Ключевые слова: собиратель; историческая антропология; этнографическая коллекция; интеллектуальный ландшафт; программа.

L. Stepanova

INTELLECTUAL LANDSCAPE OF MUSEUM COLLECTING: ON THE ETHNOGRAPHICAL SCIENCE AND REGIONAL STUDIES (END XIX- 1-ST PART XX CENTURIES)

The article regards the history of the development of museum activities in Yakutia as a part of the Russian scientific-educational movement that was transformed to a social phenomenon named «museum boom», which in turn promoted the development of Russian ethnographic school. This phenomenon started first of all in the provincial centers, and the development of multidisciplinary research of regional studies on the periphery considerably expanded the intellectual landscape of museum business that in turn led to a new conceptual interpretation of the concept called «museum collecting». The process of collecting of the Yakut ethnographic collections is reinterpreted as the form of intellectual activity of a group of people in cultural and historical space.

Keywords: collector, historical anthropology; ethnographic collection; intellectual landscape, program.

В основе любого музейного собрания лежат интеллектуальные усилия человека — собирателя, консерватора или корреспондента [3, с. 44; 1, с. 184–187]. Исходя из этого, историю музейного собирательства можно рассматривать в контексте исторической антропологии, где авторами — творцами культурного текста — становятся сами люди — музейные деятели. Объем и размах музейного бума в конце XIX — первой трети

XX века позволяет говорить о серьезных изменениях в интеллектуальном ландшафте страны [13]. В это время появилась многочисленная плеяда блестяще образованных «инакомыслящих» политссылных, внесших свой вклад в развитие культурного пространства инородческих окраин империи и тем самым ознаменовавших становление нового этапа развития этнографической науки в России. В конце XIX — начале XX века

даже оформился особый тип интеллигентов, увлеченных музейным собирательством [4, с. 249–250]. Просветительская деятельность являлась одним из центральных моментов в неписаном кодексе «политики» в Сибири. Работа на пользу инородцев считалась моральным долгом политссыльных. Они имели возможность вести долговременные наблюдения, вникая во все детали повседневного быта местного населения. Оказание помощи местному населению обеспечивало его доверие и уважение. Все это давало возможность изучать местную повседневную жизнь во всей ее полноте, что было бы невозможно в условиях краткосрочной экспедиции. Последнее обстоятельство послужило основой выработки стационарного метода этнографических исследований, впервые апробированных в ходе работы Сибиряковской экспедиции 1894–1896 гг.

Источником интеллектуального вдохновения широкого круга музейных собирателей являлась работа в составе научно-исследовательских обществ, объединенных общей целью изучения и сохранения исчезающего мира народностей северо-востока Сибири. Якутские этнографические коллекции в собрании музеев стали итогом серьезных программных этнографических исследований, проводившихся благодаря инициативе Общества любителей естествознания (ОЛЕ), Императорского русского географического общества (ИРГО), восточносибирского отделения Императорского русского географического общества (ВСОИРГО), Общества изучения Сибири и улучшения ее быта и Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей. Они ведали организацией промышленных и этнографических выставок, научных экспедиций, которые способствовали собирательству этнографических коллекций на территории Якутской области [12, с. 164]. Данный аспект служит подтверждением влияния, которое оказали общественные движения и интеллектуальные течения на развитие этнографической науки и музейного дела.

Активная научно-исследовательская и собирательская деятельность на территории Якутии, инициированная этнографическими музеями Санкт-Петербурга и научно-

исследовательскими обществами, способствовала появлению и формированию известных ученых-этнографов и краеведов из числа местной интеллигенции (И. В. Попов, П. В. Попов, М. М. Носов, Г. В. Ксенофонтов, В. В. Никифоров, П. В. Слепцов, А. А. Попов). Впоследствии деятельность Якутской комиссии по изучению производительных сил ЯАССР (КЯР)* стимулировала развитие краеведческого движения в ЯАССР. Характерно, что, поддерживая краеведческое движение в стране, Академия наук СССР находила один из путей проведения исследовательской работы на всей территории страны силами местной интеллигенции. Сотрудники Якутского областного музея являлись активными членами различных научно-исследовательских обществ: Якутского отделения Русского географического общества, научно-исследовательского общества «Саха кэскилэ», Окружного бюро краеведения. При этом они активно работали в составе различных экспедиций КЯР СО РАН, финансировавшихся не столько музеем, сколько непосредственно указанными обществами. В фокусе исследований якутских краеведов стояли следующие темы [14, л. 92–96]:

И. В. Попов — материалы по обычаям, нравам якутов. Рисуночная фиксация предметов быта, народного орнамента. Материалы по описанию шаманского костюма и всех предметов при камлании.

М. М. Носов — составление родословных таблиц по Ботурусскому, Баягантайскому и Мегинскому улусам Якутской области. Материалы по якутским сказаниям и легендам. Сбор фольклорных сведений и рисуночная фиксация материалов по народному орнаменту якутов.

Г. А. Попов — материалы по этнографии Якутского края, истории становления и состояния народного образования Якутска.

М. Н. Тимофеев-Терешкин — этнографические материалы о тунгусах Виллюйского округа, материалы по обычному праву якутов. Сведения о Манчары и его пребывании в Виллюйском округе.

Н. Н. Березкин — этнографический очерк о ламутах, русско-ламутский словарь, составление карт Якутской области.

М. И. Шадрин — материалы по литературе и фольклору якутов Якутского округа.

Н. М. Березкин — сбор сведений о положении оленеводства и состоянии пушного промысла на севере Якутии, материалы по рыболовству в Колымском округе. Сведения об экономическом положении севера Якутии.

П. В. Слепцов — материалы по этнографии, истории, фольклору якутов и тунгусов; по кузнечному искусству якутов; материалы для подробного описания шаманского костюма. Фиксация орнаментов якутов и тунгусов.

М. И. Ковинин — материалы о юкагирах, шаманстве якутов и юкагиров Колымского округа (на основе личных наблюдений).

Е. Д. Стрелов — материалы по становлению архивного дела в Якутии, биографические данные о национальном якутском герое Манчары.

Исходя из этого, можно с уверенностью говорить о том, что те содержательные изменения, которые произошли в развитии русской этнографической школы в конце XIX — первой трети XX века, связаны с введением института музейного корреспондента, владеющего навыками полевой этнографической и собирательской работы. Официальными корреспондентами МАЭ РАН и ЭО музея Александра III в Якутской области стали А. И. Попов, И. В. Попов, П. В. Оленин, А. П. Курочкин, Г. Н. Кутоманов. Они вели собирательскую работу по заказу музея по присланным программам комплектования коллекций. Собиратели Э. К. Пекарский, В. М. Ионов, В. Н. Васильев, П. В. Попов, А. П. Курочкин, И. В. Попов, А. И. Громова осуществляли сбор предметов как по заказам Этнографического отдела Русского музея им Александра III, так и МАЭ РАН (Кунсткамера). Подготовка потенциальных корреспондентов велась в «Радловском кружке»** этнографами Л. Я. Штернбергом, В. В. Радловым, Э. К. Пекарским и В. Н. Васильевым. Они консультировали по методике сборов этнографических коллекций, сопровождая учебный процесс демонстрацией музейного материала. Этот кружок посещали и представители якутской молодежи, учившиеся в Санкт-Петербурге: А. Н. Никифоров,

И. В. Попов, М. М. Носов. Связующим звеном между «Петербургом»*** и кругом якутских краеведов и политссыльных, задействованных в собирательской работе, был Э. К. Пекарский [10, с. 6]. Он активно поддержал начинание Якутского областного статистического комитета по сбору коллекций для первого якутского музея, способствовал становлению якутских отделений Общества изучения Сибири и улучшения ее быта, Императорского Русского географического общества. Благодаря дружеским отношениям с Д. А. Клеменцем, Э. К. Пекарский взял на себя посредническую роль между якутскими коллекторами и центральными этнографическими музеями, столичными научно-исследовательскими обществами. Собирательская деятельность известных якутских музейных деятелей таких, как А. И. Попов, В. Н. Васильев, консерватор Якутского областного музея П. В. Оленин, якутский народный художник И. В. Попов — во многом обуславливалась влиянием Э. К. Пекарского. Он и сам состоял корреспондентом этнографического отдела Русского музея, выполняя сборы этнографических материалов по якутам и тунгусам [9, л. 11]. Э. К. Пекарский сумел вовлечь в исследовательскую и собирательскую работу широкий круг образованных людей своего времени как из среды политссыльных, так и из местной интеллигенции.

Одним из них стал В. В. Никифоров, принимавший активное участие в экономической и общественно-культурной жизни Якутской области. Его общественная деятельность оказалась тесно связанной со становлением музейного дела в Якутии. Он разработал положение Якутского областного музея, которое ориентировало его работу на исполнение роли интеллектуального центра, аккумулирующего в себе весь научный материал по Якутскому краю. Благодаря его инициативе, на I инородческом съезде 1912 г. был рассмотрен вопрос о необходимости научного обоснования музейного собирательства этнографических коллекций для музея, в связи с чем предложил учредить специальный отдел при обществе изучения Сибири. Выполненные им труды в составе научно-исследовательских

обществ, опыт работы в качестве музейного корреспондента этнографических музеев Санкт-Петербурга и, наконец, работа в Центральном музее народоведения в Москве позволяют говорить о нем как о музейном деятеле. В 1925 г., по рекомендации Э. К. Пекарского, его пригласили принять участие в демографо-статистическом отряде КЯР под руководством С. Е. Шрейбера. Собранный В. В. Никифоровым обширный этнографический материал по материальной культуре якутов, согласно разработанной им собирательской программе, в настоящее время является одной из наиболее полных и качественных этнографических коллекций. Программа была рассчитана на то, чтобы собранный материал мог дать наиболее разностороннее представление о повседневном быте якутского народа [5, л. 1].

Отдаленность окраины от научных центров способствовала концентрации вокруг них людей, которые желали видеть в музее некое научное учреждение, способное собирать в себе материалы краеведческого характера, а также свидетельства о научном и промышленном освоении провинции. Концепция создания «идеального музея», над которой работали В. В. Радлов и Д. А. Клеменц, способствовала в 90-е годы XIX в. развитию полемики между этнографами, которые являлись представителями научных кругов, и этнографами из среды политссыльных на страницах периодических изданий ИРГО, ВСОИРГО, «Живая старина», а также в частной переписке. Вопросы, касающиеся не только издания результатов отдельных исследований, характера и методов собирательства коллекций, но и степени научной подготовленности потенциального музейного корреспондента, показали имеющиеся глубокие расхождения во взглядах на этот вопрос [2, л. 1–19]. Впоследствии эта полемика продолжилась в 1920-е годы, когда Академии наук поступил заказ от государства на проведение демографо-статистических, экономических и этнографических исследований окраин СССР. 1920–1930-е годы охарактеризовались широким размахом собирательской и экспедиционной работы АН СССР и центральных этнографических музеев. Это было время поиска новых форм и

методов работы, характеризовавшейся борьбой взглядов на методы ведения этнографических исследований. Причиной острых споров послужили как диктат со стороны государства, так и ускоряющиеся преобразования в экономике страны. По мнению Д. А. Клеменца, правильный сбор нужных и редких этнографических предметов мог осуществить лишь человек местный, проживший какое-то время рядом с изучаемым народом. Поэтому важным, на его взгляд, являлось инициирование научной жизни в провинции, которое воспитало бы местных сотрудников и исследователей в одном лице. Его оппонентом выступал известный сибирский общественный деятель Г. Н. Потанин, считавший, что сбор коллекций и исследования должны проводиться специально подготовленным ученым, способным в отведенные сроки справиться с поставленными перед ними задачами [9, л. 262]. Аналогичного мнения придерживался В. Г. Богораз-Тан, не признававший научный характер этнографических изысканий этнографов-самоучек. В 1923 г. в своем докладе «Изучение и охрана окраинных народов, как первоочередная задача» он высказал мнение, что российские экспедиционные исследования конца XVIII — начала XIX в. значительно превосходили по своему размаху и результативности исследования второй половины XIX — начала XX в. [2, л. 3].

Впоследствии эти споры о методах собирательства музейных коллекций и этнографических исследований привели к формированию концепции универсального краеведческого музея, явившегося переходным этапом от музея «кунсткамерного» образца. Мультидисциплинарный характер сборов коллекций для местных музеев и введение в этнографическую науку социологических и экономико-демографических методов исследования к 1930-м годам сформировал так называемую «производственную этнографию», ставшую основной формой научно-исследовательской работы музея (сбор образцов продукции колхоза, цифровые показатели достижений колхозов, исследование состояния здравоохранения и культурного досуга колхозников) [8, л. 57–58].

Предварительный обзор этнографических и музейных собирательских программ, на основе которых проводилось собирательство якутских этнографических коллекций корреспондентами Якутской области (А. И. Попов, П. В. Оленин, А. П. Курочкин, В. В. Никифоров), а в советское время сотрудниками этнографических отрядов КЯР АН (Д. Д. Травин, П. В. Слепцов, И. П. Сойкконен, Н. Н. Буркина, М. М. Измайлова, А. А. Бялыницкий-Бируля, Г. Д. Махоткин), показал, что их содержание во многом отражает пункты собирательских программ, выработанных для музея ВСОРГО в 1880 г. Г. Н. Потаниным, программы изучения семейного быта якутов И. И. Майнова и Э. К. Пекарского, а также программы Д. А. Клеменца по сбору иллюстративных материалов [11, с. 1–6; 7, с. 117–135; 6]. Интересно, что они, в свою очередь, базировались на эволюционистской концепции Э. Тейлора и Л. Г. Моргана о неизбежном «вымирании дикарей», обусловившей необходимость скорейшего сбора и фиксации материальной культуры малочисленных народов Севера. Объединяющим фактором этих программ является то,

что они были специально рассчитаны под долгосрочное, стационарное этнографическое исследование. Таким образом, можно сказать, что музей стал для широкого круга деятелей своеобразной площадкой для апробирования различных научных концепций и методик исследований. Музейные коллекции, безусловно, отражают мировоззрение и ценности того исторического периода, с которым связано время его создания, аккумулируя в себе научные идеи и интересы его автора и его собственное видение на развитие музейного творчества. Последнее обстоятельство дает возможность описать научную картину мира музейного творца, реконструировать интеллектуальный ландшафт музейного пространства. Примечательно, что у истоков музейной этнографии стояли ученые, формировавшие свои научные школы на пограничье теории и практики, внесшие огромный вклад в развитие интеллектуальной гуманитарной традиции в России. Изучение персонального контекста истории музейного дела сегодня должно быть выделено в самостоятельное научное направление — интеллектуальная история музейного сообщества.

ПРИМЕЧАНИЯ

* 4 апреля 1925 года на общем собрании Академии наук была утверждена Якутская комиссия в составе: академик С. Ф. Ольденбург (затем его сменил академик А. Е. Ферсман), ответственный секретарь — профессор П. В. Виттенбург, академик Ф. Ю. Левинсон-Лессинг, профессор А. А. Бялыницкий-Бируля, председатель СНК ЯАССР М. К. Аммосов, зам. председателя СНК ЯАССР И. Н. Винокуров, уполномоченный СНК ЯАССР при ВЦИКе».

** Радловский кружок — частные курсы по этнографии, имеющие цель подготовить местных корреспондентов, способных вести самостоятельные исследования.

*** Петербург» — так якутские политссыльные называли в разговоре группу интеллигентных лиц и ученых деятелей, интересующихся делами Якутской области и имеющих с ней связи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беззубова О. В. Артефакт в системе антропологии и этнографии // *Философский век. Альманах. Вып. 22 / Мат-лы междунар. конф. «Науки о человеке в современном мире»*. Ч. 2. СПб.: Санкт-Петербургский центр истории идей, 2002. С. 184–187.
2. Богораз-Тан В. Г. Изучение и охрана окраинных народов как первоочередная задача. Черновик доклада // *Архив СПбФ. РАН. Ф. 250. Оп. 1. Ед. хр. 95. Л. 1–19*.
3. Калугина Т. П. Музей как аккумулятор экстрагированных культурных смыслов // *Произведение искусства в образовательном процессе: Тез. докл. // Междунар. научно-практ. конф. СПб.: Государственный Русский музей, 2000. С. 44–48*.

4. Кропоткин П. А. Идеалы в и действительность в русской литературе. СПб., 1907. 169 с.
5. Никифоров В. В. План описания этнографических материалов по быту якутов, во время работ экспедиции 1925–1926 гг. Ф. 47. Оп. 2, д. № 121.
6. Полевые финно-угорские исследования // Чувьюров А. А. К истории формирования фотоколлекций по народам коми в собрании РЭМ. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.komi.com/pole/publ/museum/2.asp> (дата обращения: 29.04.2007).
7. Пекарский Э. К., Майнов И. И. Программа для исследования домашнего и семейного быта якутов // Живая старина. 1913. Вып. 1–2. С. 117–135.
8. Переписка и отношения с Наркомпрос ЯАССР о состоянии и работе музея в 1941 г. // Архив ЯГО-МиКНС им. Ем. Ярославского. Оп. 2. Ед. хр. 46. Л. 57–58.
9. Переписка Д. А. Клеменца и Э. К. Пекарского // Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. д. № 462.
10. Пржиборовский С. В. Открытое письмо В. М. Ионову. 28 июня 1908 г. Якутск, 1908. 8 с.
11. Программа для собирания сведений о сибирском шаманстве, составленная Г. Н. Потаниным / [Типография Н. Н. Синицына]. Иркутск, 1880. 6 с.
12. Равикович Д. А. Музеи местного края во второй половине XIX-начале XX века (1861–1917 гг.) // Очерки истории музейного дела в России / Под ред. Г. А. Новицкого. Вып. II. М.: Советская Россия, 1960. 379 с.
13. Репина Л. П. Интеллектуальная история сегодня: проблемы и перспективы // Вестник РОИИ. 2001. № 1. // Российское общество интеллектуальной истории [сайт]. URL: <http://www.igh.ru/intellect/vestnik/vol1/part2.htm> (дата обращения: 3.10.2009).
14. Секция «Человек» и об организации этнографо-антропологических и статистико-экономических исследований 1925–1928гг. // Архив СПбФ. РАН. Ф.47. Оп.1. Ед. хр. 33. Л. 92–96.

REFERENCES

1. Bezzubova O. V. Artefakt v sisteme antropologii i etnografii // Filosofskij vek: Al'manah. Vyp. 22. Mat-ly mezhdunar. konf. «Nauki o cheloveke v sovremennom mire». Ch. 2. SPb.: Sankt-Peterburgskij centr istorii idej, 2002. S. 184–187.
2. Bogoraz-Tan V. G. Izuchenie i ohrana okrainnyh narodov kak pervoocherednaja zadacha. Chernovik doklada // Arhiv SPbF. RAN. F. 250. Op. 1. Ed. hr. 95. L. 1–19.
3. Kalugina T. P. Muzej kak akkumuljator ekstragirovannyh kul'turnyh smyslov // Proizvedenie iskusstva v obrazovatel'nom processe: Tez. dokl. // Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. SPb.: Gosudarstvennyj Russkij muzej, 2000. S. 44–48.
4. Kropotkin P. A. Idealy v i dejstvitel'nost' v russkoj literature. SPb., 1907. 169 s.
5. Nikiforov V. V. Plan opisaniya etnograficheskikh materialov po bytu jakutov vo vremja rabot ekspedicii 1925–1926 gg. F. 47, op. 2, d. № 121.
6. Polevye finno-ugorskie issledovaniya // Chuv'jurov A. A. K istorii formirovaniya fotokollekcij po narodam komi v sobranii REM. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.komi.com/pole/publ/museum/2.asp> (data obrashchenija: 29.04.2007).
7. Pekar'skij E. K., Majnov I. I. Programma dlja issledovaniya domashnego i semejnogo byta jakutov // Zhivaja starina. 1913. Vyp. 1–2. S. 117–135.
8. Perepiska i otnoshenija s Narkompros JAASSR o sostojanii i rabote muzeja v 1941g. // Arhiv JAGOMiKNS im. Em. Jaroslavskogo. op. 2. Ed. hr. 46. L. 57–58
9. Perepiska D. A. Klemenca i E. K. Pekar'skogo // Arhiv REM. F. 1, op. 2, d. № 462.
10. Przhiborovskij S. V. Otkrytoe pis'mo V. M. Ionovu. 28 ijunja 1908g. Jakutsk, 1908. 8 s.
11. Programma dlja sobiraniya svedenij o sibirskom shamanstve, sostavlenaja G. N. Potaninym / [Tipografija N. N. Sinicyna]. Irkutsk, 1880. 6 s.
12. Ravikovich D. A. Muzei mestnogo kraja vo vtoroj polovine XIX-nachale HH veka (1861–1917gg.) // Oчерки истории музейного дела в России // Под ред. Г. А. Новицкого. Vyp. II. М.: Sovetskaja Rossija, 1960. 379 s.
13. Repina L. P. Intellektual'naja istorija segodnja: problemy i perspektivy // Vestnik ROII. 2001. № 1 // Rossijskoe obshchestvo intellektual'noj istorii [sajt]. URL: <http://www.igh.ru/intellect/vestnik/vol1/part2.htm> (data obrashchenija: 3.10.2009).
14. Sekcija «Chelovek» i ob organizacii etnografo-antropologicheskikh i statistiko-ekonomicheskikh issledovanij 1925–1928 gg. // Arhiv SPbF. RAN. F. 47, op. 1. Ed. hr. 33. L. 92–96.